

О.В. Кильдюшов

ВОЙНА И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК: ULTIMA RATIO ИЛИ CONDITIO HUMANA? Гоббс — Клаузевиц — Шмитт — Фуко¹

Πόλεμος и λόγος — одно и то же.

Мартин Хайдеггер

Ключевые слова: война, социальный порядок, Томас Гоббс, Карл фон Клаузевиц, Карл Шмитт, Мишель Фуко

Социологос полемоса

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта «Дружба, доверие и конфликт: основные категории описания социальной жизни», реализуемого Центром фундаментальной социологии НИУ ВШЭ в 2016 г. В ней развиваются положения, впервые сформулированные в Кильдюшов 2015.

² Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 32.

³ См. Krieg 2004.

Война как высшая форма организованного насилия относится к амбивалентным феноменам человеческого общежития, структурно связанным с самим социальным порядком. Поэтому логос войны имеет давнюю традицию — он насчитывает столько же тысячелетий, что и сама культурная история человечества, для которой организованное насилие является основополагающим социальным опытом, нашедшим отражение в философской и социально-научной рефлексии. Говоря словами современных исследователей, «то, как общества решают существующую везде и всегда угрозу насилия, задает и структурирует формы, которые может принимать человеческое взаимодействие, включая типы политических и экономических систем»².

Дискурсивная переработка культурно-универсального опыта войны, начавшаяся еще в античности с вопросов о рациональности войны как политического средства, через правовые и моральные дискуссии Средневековья и раннего Нового времени о законности и справедливости ведения военных действий с точки зрения религии или естественного права в эпоху Модерна приняла форму различных дискурсов, связанных не только с философским, но также с теологическим, политологическим и социологическим контекстом. Иными словами, анализ социальных импликаций вооруженного насилия есть устойчивый топос в европейской истории духа, в рамках которой конкретно-исторические военные действия нередко соотносились с глубинными процессами общественных изменений. Репрезентативным в этом плане можно считать сборник философских текстов на тему войны, изданный в прошлом десятилетии в учебных целях в Германии: в нем представлены выдержки из сочинений Цицерона и Августина, Никколо Макиавелли и Мартина Лютера, Бенедикта Спинозы и Жан-Жака Руссо, Фридриха Ницше и Жан-Поля Сартра и др.³

Стоит ли говорить, что подобные интеллектуальные опыты имеют мало общего с моральным оправданием или осуждением войны; скорее речь идет о теоретическом ее осмыслении как вида общественной

практики, конститутивного для социального *per se*. И сегодня задача социологической рефлексии войны и ее функций может заключаться прежде всего в экспликации роли структурного насилия в установлении и поддержании социального порядка, то есть в исследовании структурирующего значения организованного насилия, или, если использовать удачную формулу Александра Филиппова, «социальности войны»⁴, в отвлечении от представлений о моральном и нормативном, несомненно важных для истории идей, но нередко препятствующих обнаружению в кровавых событиях прошлого и настоящего регулярностей социального действия. В этом смысле гуманистический пафос прогресса цивилизации является ловушкой для эвристики войны⁵, поскольку со времен Просвещения то и дело пытается загнать ее в рамки должного, а вернее — *недолжного*, когда война описывается как то, чего можно и следует избегать, i.e. как нечто лишнее, ненормальное и нерациональное. Не случайно «в конце „столетия тотальной войны“»⁶ социальная теория продолжала удерживать печальный рекорд, отрицая войну. Войны — это регулярная, структурная характеристика Современности, однако они до сих пор трактуются как вторжение ненормального в регулярность социальной жизни⁷.

Возникновение социологии непосредственно связано с проектом Модерна, и ко времени ее формирования замирение общества во многом представляло собой уже реализованную утопию Левиафана как легитимного монополиста в сфере насилия, казалось бы навсегда исключившего из общественной практики войну как реликт досовременной эпохи. Подобное самописание Современности легло в основу имплицитного консенсуса новой науки, в соответствии с которым война воспринималась скорее как аномалия или девиация, нежели как конститутивный момент в процессах модернизации обществ Запада. В любом случае социологическая классика так и не создала собственной теории войны. И хотя в трудах Карла Маркса, Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера можно найти немало мест, посвященных данной проблематике, война никогда не рассматривалась социологическим мейнстримом в качестве центрального предмета исследования, а всегда увязывалась с другими, более важными для него тематическими контекстами. По словам крупного исторического социолога Майкла Манна, война и структурное насилие были не столько «недотеоретизированы» социальными теоретиками, сколько просто игнорировались ими⁸.

С начала научно-теоретической рефлексии войны исследовательский интерес в основном фокусировался на таких темах, как рациональность и границы войны, внутренняя логика и процессуальная динамика организованного насилия и т.д. Несмотря на активное изучение экономических, культурных и политических аспектов войны в рамках военной и социальной истории, очень долго отсутствовали социально-теоретические работы, эксплицитно изучавшие ее воздействие на структуры современных обществ. Как справедливо отмечает Энтони Гидденс, сложилась парадоксальная ситуация: при общем признании

⁴ Филиппов 1991: 262.

⁵ Никлас Луман даже как-то заметил, что «гуманистическое предубеждение» является одним из эпистемологических препятствий в социологической рефлексии, мешающих образованию адекватных социально-теоретических понятий (Луман 1994: 27).

⁶ Имеется в виду XX в.

⁷ Shaw 1991.

⁸ См. Mann 1988: 147.

роли войны, которая в комбинации с дипломатией привела к созданию самой европейской системы государств, в социологических дискуссиях практически не затрагивалось влияние военного аспекта на развитие гражданских прав и других важнейших характеристик социетальной организации Модерна⁹. О труднообъяснимом невнимании макросоциологии к институтам войны, прямо противоречащем тому центральному значению, которое имели вооруженные конфликты в становлении структур современных секулярных обществ, писал также Моррис Яновиц¹⁰.

⁹ *Giddens 1985: 232.*

¹⁰ *Janowitz 1975: 70.*

Лишь относительно недавно работы, нацеленные на изучение войны в контексте процессов формирования социального порядка, заняли должное место в макросоциологической и социально-теоретической рефлексии. Речь идет прежде всего о так называемой новой исторической социологии, в центре внимания которой оказалось государство и связанные с ним феномены организованного насилия. Усилиями авторов данного направления удалось не только аналитически реконструировать роль государства и его аппарата принуждения при генезисе Модерна, но и радикально пересмотреть существовавшие ранее представления о модернизации как целостном, непротиворечивом и ненасильственном процессе. Здесь достаточно сослаться на труды уже упоминавшихся Гидденса и Манна, а также Чарльза Тилли, где исследовались такие темы, как возникновение государства современного типа и влияние межгосударственной конкуренции и насилия на протекание общественных процессов в Новое время¹¹.

¹¹ *См. Spohn 2005.*

Таким образом, перед исторической социологией встала принципиально новая теоретическая задача: исследовать государство и сопряженные с ним феномены внутригосударственного принуждения и насилия в качестве самостоятельного предмета в рамках радикально пересмотренной теории Модерна, очищенной от излишне оптимистического пафоса и прогрессистской идеологии, не слишком адекватных при реконструкции реальных исторических процессов, связанных со многими малоприятными явлениями, в том числе с войной и другими формами организованного насилия¹². Подобная перспектива позволила не просто увидеть войну как универсальный социокультурный феномен, но и более реалистично анализировать роль насилия в производстве, воспроизводстве и трансформации социальных порядков. В этом плане можно полагать, что социология как институционализирующаяся саморефлексия обществ Модерна уже отказалась от некоторых иллюзий своих отцов-основателей, пытавшихся затушевать насильственный аспект политического и исключить войну из нормативного описания Современности как вторичный или просто архаичный феномен, значимый скорее для исторического прошлого, нежели для социального настоящего Запада.

¹² *Knöbl 1995: 19—20.*

Так или иначе, социально-теоретический анализ войны имеет не очень длительную историю и потому может считаться относительно новым предметным полем социологических исследований. Интересно, что

возникшая во второй половине прошлого столетия военная социология в узком смысле, по мнению некоторых исследователей, уже успела «капсулироваться» в качестве специальной дисциплины¹³.

¹³ Joas 2008: 244.

Наблюдающийся в последнее время рост научного интереса к феномену войны, вероятно, вызван в том числе резкой ремилитаризацией международной политики в начале XXI в., ставшей неожиданной для многих социальных теоретиков. Как бы то ни было, мы являемся сегодня свидетелями своего рода полемологического бума, выражающегося в необозримом потоке работ о так называемых гибридных войнах, конфликтах низкой интенсивности и т.д. Между тем сами «новые» войны иногда сильно напоминают войны раннего Нового времени, когда государство еще только пыталось утвердить свою монополию на насилие в конкуренции с до- и негосударственными субъектами войны¹⁴.

¹⁴ Калдор 2015: 23.

По указанным, а также некоторым другим, более содержательным, причинам при анализе структурного воздействия войны на социальный порядок свою эвристическую значимость сохраняют многие концепты и интуиции ряда классиков философской и социально-теоретической мысли, в чьей концептуализации исторического опыта Модерна важнейшую роль играло признание политически мотивированного насилия в качестве всегда наличествующей опции.

Настоящая статья посвящена как раз анализу текстов старых и новых классиков, эвристически релевантных для социально-теоретической экспликации роли войны в процессах (вос)производства и трансформации социального порядка. В ней рассматриваются сочинения политических мыслителей — Томаса Гоббса, Карла фон Клаузевица, Карла Шмитта и Мишеля Фуко, — которые подчеркивали социальную функциональность войны, ее фундаментальный характер для политического или эвристически использовали милитарную оптику для обнаружения в исторически контингентном сущности общественно-экономических и властных отношений. Несмотря на принадлежность к разным традициям, все перечисленные авторы пытались концептуализировать амбивалентность насилия, которое способно не только разрушать, но и создавать социальные структуры. Немалый интерес при этом представляют многочисленные содержательные пересечения в их сочинениях и заочная полемика между ними. Поэтому в работе предпринята попытка зафиксировать линии рецепции Шмитт-Гоббс, Шмитт-Клаузевиц, Шмитт-Фуко, Фуко-Гоббс, Фуко-Клаузевиц, которые наглядно демонстрируют как определенную преемственность, так и очевидные разрывы в интеллектуальной рефлексии социальных импликаций вооруженного насилия¹⁵.

¹⁵ См., напр. Штраус 2012: 109—142.

Вначале обратимся к автору, остающемуся важнейшим эвристическим источником для современной социологии господства¹⁶, — Гоббсу, который одним из первых предложил теоретическую модель рождения социального порядка из духа войны.

¹⁶ Maurer 1999: 27.

**Гоббс: война
как конститутивный
элемент
социального
порядка**

¹⁷ Гоббс 2001: 8.

¹⁸ Там же: 119.

¹⁹ Там же: 20.

²⁰ Шмитт 2006:
130.

Уже во Введении к «Левифану» Гоббс, описывая посредством органицистских метафор структуру и функции государства, сравнивает социальный порядок («гражданский мир») со здоровьем, смуту — с болезнью, а гражданскую войну — со смертью «искусственного человека», созданного по воле самих людей¹⁷. Именно конечность, хрупкость политического тела позволяют ему называть государство «смертным Богом»¹⁸. С помощью этого на первый взгляд не слишком удачного оксюморона он дает сущностную характеристику всякому государственному образованию, которое, с одной стороны, значительно превосходит по силе и размерам (в том числе ресурсам) обычного, «естественного» человека, а с другой — является таким же смертным, то есть может погибнуть в результате внутривнутриполитических конфликтов. Более того, Гоббс указывает, что имеющийся исторический опыт погружения благоуденствующих государств в гражданскую войну и последующего их крушения позволяет аналитически реконструировать протекание аналогичных процессов и в других государствах в рамках общей типологии гражданских конфликтов: «Тот, кто, например, наблюдал ход вещей и последовательность событий, при которых цветущее государство дошло сначала до гражданской войны, а затем до гибели, угадает при виде гибели другого государства, что подобная война и подобный ход событий имели место и здесь»¹⁹.

В целом рационализация войны у Гоббса предстает в виде возможности повысить шансы государства на развитие собственного потенциала в условиях прямой конкуренции с другими государствами и при отсутствии институциональных гарантий мира со стороны третьих сил. При этом война между государствами принципиально отличается от гражданской войны внутри государства, так как не затрагивает конституции самого общества. И хотя в своем труде Гоббс касается и внешних войн, то есть войн между государствами, в центре его исследовательского интереса находится именно гражданская война, означающая для него конец сложившегося рамочного порядка социального действия. В этом смысле можно даже говорить о наличии у Гоббса такой конструкции политического, при которой война (прежде всего гражданская), будучи антиподом социального порядка, вместе с тем образует с ним единую структуру политического действия. По выражению Шмитта, государство у Гоббса «есть лишь гражданская война, постоянно сдерживаемая сильной властью»²⁰. Она составляет экзистенциальную угрозу государственности, не приходящую откуда-то извне, а неизменно присутствующую имманентную опцию, структурно связанную с самой сутью создаваемого посредством общественного договора социального порядка, основанного на политической воле и фактическом признании со стороны рациональных акторов. Эта опция означает неизбежную возможность резкого ослабления и — при определенных обстоятельствах — последующего краха всей политической конструкции, что, собственно, и является для Гоббса смертью Левифана как смертного Бога. Причем данную опцию нельзя аннулировать уже в силу самой специфики

горизонтально конституируемых политических отношений, для которых характерна высокая степень неопределенности относительно будущего поведения партнеров, одновременно выступающих в качестве конкурентов в перманентной борьбе за дефицитные материальные и символические ресурсы.

NB! В связи с этим Никлас Луман писал о парадоксе «двойной контингентности», демонстрирующем всю хрупкость социального порядка в условиях, когда действия одних акторов обусловлены действиями или ожиданием действий других акторов. Важно, что такая двусторонняя зависимость синхронна, так что каждая сторона может узнать о решении другой, лишь приняв собственное решение. То есть в рамках данной политико-коммуникативной оптики социальный порядок становится заведомо проблематичным, поскольку акторам как рациональным эгоистам для преследования своих целей нужно знать о поведении партнеров то, чего те пока не знают сами²¹.

²¹ См. Luhmann 2001: 10.

Ситуация усугубляется тем, что в принципе нет и не может быть общих политических конвенций, кроме тех, что устанавливаются сверху. Поэтому на языке современной социальной теории вся Гоббсова конструкция политического может быть описана как радикальный случай «дилеммы заключенного»: индивиды не находят рациональных оснований для соблюдения договоренностей, поскольку честность и порядочность оказываются худшими из возможных стратегий. В любом случае оппортунистическое поведение способно принести гораздо бóльшую выгоду, нежели добровольное исполнение взятых на себя обязательств.

Знаменитое решение Гоббса зачастую ошибочно отождествляют с каузально-исторической интерпретацией государства как замкнутого политического, согласно которой именно *после* гражданской войны наступает гражданский мир, i.e. устанавливается новый социальный порядок. Несомненно, война выполняет у него конститутивную функцию при восстановлении социального порядка, однако в ином, структурном смысле: важнейшее значение для понимания проблематичности социального порядка имеет указание Гоббса на то, что война — это не столько темпорально завершенное одномоментное событие в прошлом, сколько сущностная характеристика всего социального действия, задающая поведение акторов в настоящем и будущем²². Речь идет о политико-прагматической пресуппозиции, то есть базовой установке коллективного действия, структурно определяющей репертуар субъектов в ситуации более или менее интенсивного гражданского противостояния: «Подобно тому как понятие сырой погоды заключается не в одном или двух дождях, а в ожидании этого в течение многих дней подряд, точно так же и понятие войны состоит не в происходящих боях, а в явной устремленности к ним в течение всего того времени, пока нет уверенности в противном»²³.

²² Ср.: «...борьба как таковая не только подталкивает к вос-станию (*ent-stehen*), но лишь она одна и охраняет сущее в его постоянстве» (Хайдеггер 1998: 142).

²³ Гоббс 2001: 87.

Война в Гоббсовой конструкции трактуется не как конкретное историческое событие, а как процесс политического волеобразования, в рамках которого всегда возможно принятие решения, чреватого нарушением сложившегося порядка вещей через прямое обращение к средствам организованного насилия в отношении соперников в борьбе за власть, ресурсы или социальный престиж: «Ибо война есть не только сражение, или военное действие, а промежуток времени, в течение которого явно сказывается воля к борьбе путем сражения. Вот почему время должно быть включено в понятие войны, так же как и в понятие погоды»²⁴.

²⁴ Там же.

А поскольку здесь подразумевается именно гражданская война, i.e. схватка на уничтожение между членами одного и того же сообщества (одного государства, этнической группы, политической нации), роль структурного насилия может быть описана не как последний аргумент (*ultima ratio*) в борьбе различных представлений о политически должном (социальном порядке), а скорее как антропологическая константа (*conditio humana*), носящая конститутивный характер для социального действия в целом.

Таким образом знаменитая негативная антропология Гоббса, во многом знаменующая собой разрыв с классическими представлениями о природе человека как принципиально предрасположенного к совместной благой жизни (*ζῆλον πολιτικόν* Аристотеля), переходит здесь в негативную социологию. Так на макроуровне возникает проблема стабильности социального порядка, которому постоянно угрожает возврат в догосударственное состояние. В своей современной формулировке — «Как возможен социальный порядок, если акторы являются атомизированными эгоистическими индивидами, преследующими свои частные интересы?» — эта проблема, которую Толкотт Парсонс называет «Гоббсовой», по сей день сохраняет релевантность для теории социального порядка²⁵.

²⁵ См. *Parsons 1937*.

Практически все основные мотивы, которые «мы находим в природе человека» (жажда наживы, стремление к безопасности, борьба за признание), одновременно выступают у Гоббса причинами войны²⁶. Примечательно, что в рамках его антропологии даже необязательно, чтобы «дурные» составляли большинство: достаточно наличия в обществе определенного числа жестоких и алчных людей, чтобы принудить «хороших и скромных» действовать столь же агрессивно в интересах самосохранения²⁷.

²⁶ *Гоббс 2001: 86—87*.

²⁷ *Гоббс 1989: 279*.

Гоббс прямо признает, что «такого времени и такой войны», как изображенные им, «никогда не было»²⁸. Тем не менее у естественного состояния, при котором отсутствует какая-либо координация социальной жизни, имеются реальные исторические аналоги в виде периодов общественных потрясений, переворотов и революций, когда силы старого порядка уже, а силы нового порядка еще не способны политически управлять обществом. Обратимость ситуации общественной стабильности, когда на смену, казалось бы, устойчивой и мощной «общей власти,

²⁸ *Гоббс 2001: 88*.

держашей всех в страхе», вновь приходит тотальная война, в которой «есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти», ограничивает репертуар рационального политического действия. Война всех против всех является для Гоббса не столько исторической фикцией, сколько эвристическим инструментом для реконструкции рациональных оснований признания (любого) рамочного социального порядка. Эта рациональность тоже носит негативный характер, ибо строится в том числе на трагическом опыте стран, переживших гражданскую войну: «...какова была бы жизнь людей при отсутствии общей власти, внушающей страх, можно видеть из того образа жизни, до которого люди, жившие раньше под властью мирного правительства, обыкновенно опускаются во время гражданской войны»²⁹.

²⁹ Там же.

Концепт войны всех против всех позволяет Гоббсу продемонстрировать целерациональность договорного решения как для общества в целом, так и для каждого его члена, в интересах которого будет смириться с Левиафаном, чтобы тем самым избежать негативных последствий естественного состояния. Ибо всякий раз, когда государство или иные структуры власти из-за утраты ими монополии на насилие оказываются неспособны политически управлять обществом, индивидам и группам угрожает возобновление борьбы за физическое выживание, поскольку *status naturalis* означает *status belli*³⁰. При этом, как подчеркивает Гоббс, угрозу социальному порядку представляет любая интенсификация политического противостояния, а вовсе не мифическое состояние войны между частными лицами: «...никогда и не было такого времени, когда бы частные лица находились в состоянии войны между собой»³¹.

³⁰ Штраус 2012: 44.

³¹ Гоббс 2001: 88.

Не менее важно с точки зрения обсуждаемых здесь сюжетов замечание Гоббса о том, что гражданская война разрушает не только рамочный порядок социального действия, но и существовавший ранее дискурсивный порядок, в том числе категориальную сетку и саму критериальную базу суждений и оценок рациональности и моральности действий: «Состояние войны всех против всех характеризуется также тем, что при нем ничто не может быть несправедливым. Понятия правильного и неправильного, справедливого и несправедливого не имеют здесь места. Там, где нет общей власти, нет закона, а там, где нет закона, нет несправедливости»³².

³² Там же.

Война как бы возвращает ее участников даже не во вне-, а в доправовое состояние, которое длится до тех пор, пока не будет установлен новый источник правовых и иных дискурсивных норм. Ведь право у Гоббса имманентно самому социальному порядку, его невозможно вывести ниоткуда, поскольку оно создается и интерпретируется исключительно сувереном. А значит, функционирование норм возможно лишь при решении базовой проблемы онтологической безопасности участников политического общения: «...при установлении государства люди руководствуются стремлением избавиться от бедственного состояния войны, являющегося <...> необходимым следствием естественных страстей людей там, где нет видимой власти, держашей их в страхе и под

угрозой наказания, принуждающей их к выполнению соглашений и соблюдению естественных законов»³³.

³³ Там же: 116.

Поэтому главной функцией государства Гоббс объявляет установление рамочного социального порядка, обеспечивающего гражданам безопасность и условия для благополучной жизни. Но выполнение данной задачи невозможно без применения структурного насилия, ибо «соглашения без меча лишь слова, которые не в силах гарантировать человеку безопасность»³⁴. По сути, Гоббс постулирует необходимость позитивного страха перед государством — особого рода политического ужаса (terror of power), представляющего в качестве условия соблюдения договора рациональными эгоистическими акторами.

³⁴ Там же.

Таким образом, военная сила и готовность к ее применению выступают в Гоббсовской конструкции в двойной роли: это одновременно и главная угроза социальному порядку (когда военные ресурсы используются в интересах частных лиц или различных политических и религиозных групп), и необходимое условие поддержания социального порядка и защиты его от внешних и внутренних врагов. При всем том Гоббс гипотетически допускает, что, будь мы уверены в готовности большинства акторов соблюдать правовые и моральные нормы («естественные законы») и без контроля со стороны «общей власти, держащей их в страхе», издержки и ограничения, связанные с режимом господства, применяющим физическое насилие, утратили бы свой смысл: «...и тогда не существовало бы, да и не было бы никакой необходимости в гражданском правлении или государстве, ибо тогда существовал бы мир без подчинения»³⁵.

³⁵ Там же: 117.

Однако поскольку индивидуальная рациональность признания такого рода автономии моральных субъектов не переходит автоматически в коллективную рациональность реально-политической прагматики, требуются особые институциональные политико-правовые механизмы, не просто пытающиеся регулировать нормальное протекание социальной жизни, но и обладающие военным или полицейским ресурсом, необходимым для навязывания социального порядка сверху и защиты от попыток его нарушения. Так рождается уникальная инстанция Левиафана, трансцендентная и имманентная одновременно и именно поэтому способная переводить интуиции непреходящего естественного права в конкретные управленческие решения здесь и сейчас.

Попытаемся реконструировать логику описанного Гоббсом политического и когнитивного процесса установления и признания нового социального порядка в условиях перманентной войны всех против всех.

1. В рамках естественного состояния происходит объединение групп людей для борьбы с общим врагом, при отсутствии которого они «ведут друг с другом войну за свои частные интересы»³⁶.

³⁶ Там же.

2. Чтобы обеспечить безопасность «на все время», недостаточно единого управления и единой воли «в ходе одной битвы или войны», поскольку «в силу различия своих интересов» люди «должны по необходимости разобщиться и снова быть свергнутыми в междоусобную войну»³⁷.

³⁷ Там же.

3. Для достижения постоянного и длительного согласия, которому постоянно угрожают «естественные» устремления человека, требуется «искусственный» уровень политической субъектности, выполняющий функции внешней, навязанной координации, «а именно общая власть, держащая людей в страхе и направляющая их действия к общему благу»³⁸.

³⁸ Там же: 119. Ср.: «Именно в экстремальной ситуации, когда совершенно распалась ткань общества, по-является в поле зрения то твердое основание, на котором должен в конечном счете покоиться каждый общественный строй, страх насильственной смерти, который и есть самая могущественная сила в человеческой жизни» (Штраус 2007: 189).

4. Левиафан как воплощение вновь установленного социального порядка обладает абсолютным военно-полицейским ресурсом: он «пользуется такой огромной сосредоточенной в нем силой и властью, что внушаемый этой силой и властью страх» замиряет государство изнутри («направляет волю всех людей к внутреннему миру») и мобилизует его на борьбу с внешнеполитическими конкурентами («к взаимной помощи против внешних врагов»)³⁹.

³⁹ Гоббс 2001: 119.

5. Суверен как гарант мира и защитник прав граждан конституируется посредством взаимного договора заинтересованных лиц, то есть новый социальный порядок зависит от фактического признания со стороны его участников, что и делает даже самое могущественное государство, этого «бессмертного Бога», смертным в указанном выше смысле. (Эта, прямо скажем, довольно хрупкая основа учреждаемого социального порядка вынуждает Гоббса прилагать немало усилий в попытке обосновать невозможность пересмотра некоторых видов договора, несмотря на всю сомнительность аргументов и неубедительность результатов.)

6. В отношении лиц, по тем или иным причинам отказывающихся признавать установленный социальный порядок, война не прекращается, так как, не подчиняясь постановлениям верховной власти, они тем самым выводят себя из числа тех, на кого распространяется защита суверена, и фактически остаются «в прежнем состоянии войны, при котором любой человек, не нарушая справедливости, может убить его»⁴⁰.

⁴⁰ Там же: 122.

7. При возникновении как внешней, так и внутренней угрозы существующему социальному порядку суверен вправе задействовать весь имеющийся в его распоряжении набор мер принуждения «в целях сохранения мира и безопасности путем предупреждения раздоров внутри и нападения извне». При этом в случае уже произошедшего крушения социального порядка («когда мир и безопасность уже утрачены») государственная власть обязана предпринять все необходимое для его восстановления, в том числе с помощью прямого физического насилия⁴¹.

⁴¹ Там же: 123.

8. В защите со стороны суверена нуждается не только нормативно-правовой и социально-экономический порядок, но и порядок дискурсивный, который тоже может превратиться в арену войн (политико-идеологических, религиозных и т.д.), угрожающих миру и безопасности, обеспечивать которые и призван рамочный порядок: «Ибо действия людей обусловлены их мнениями, и в хорошем управлении мнениями состоит хорошее управление действиями людей с целью водворения среди них мира и согласия»⁴². Примечательно, что для выполнения роли арбитра в мировоззренческих и научных делах суверену, по Гоббсу, вовсе не обязательно быть компетентным в том или ином вопросе.

⁴² Там же.

9. Начало интенсивного идейного конфликта, угрожающего социальному порядку, когда граждане готовы «поднять оружие для защиты или введения какого-нибудь мнения», свидетельствует о латентной гражданской войне: такое «состояние есть не мир, а лишь приостановление военных действий», и люди «живут как бы в состоянии непрерывного приготовления к военным действиям»⁴³.

⁴³ Там же: 124.

10. Политически, идеологически или религиозно мотивированный отказ значительного числа социальных агентов признавать рамочный порядок автоматически актуализирует всегда сохраняющуюся потенциальную возможность интенсификации противостояния вплоть до гражданской войны с катастрофическими последствиями для всех его участников: «...величайшие стеснения, которые может иногда испытывать народ при той или иной форме правления, едва чувствительны по сравнению с теми бедствиями и ужасающими несчастьями, которые являются спутниками гражданской войны, или с тем разнузданным состоянием безвластия, когда люди не подчиняются законам и не признают над собой никакой принудительной власти, удерживающей их от грабежа и мести»⁴⁴.

⁴⁴ Там же: 127—128.

Здесь круг замыкается, и мы опять приходим к ситуации, неизбежно наступающей каждый раз после смерти Левиафана, то есть после крушения существовавшего социального порядка и начала новой войны всех против всех. Как справедливо замечает Филиппов, «Левиафан возникает на месте войны всех против всех, и она же вновь становится основным содержанием человеческой жизни, когда он погибает»⁴⁵.

⁴⁵ Филиппов 2006: 100.

Рассуждения Гоббса показывают, что здесь мы имеем дело с имманентной характеристикой человеческого общества, своеобразной культурной универсалией. В логике Гоббсовой концепции гражданская война является точным индикатором уже произошедшего краха сложившегося порядка и вместе с тем предпосылкой конституирования нового социального порядка. Последний может быть более устойчивым, чем предшествующий, но в любом случае он будет обладать той же онтологией, что и все регулярности социального действия, которые в конечном счете зависят от фактического признания со стороны самих социальных акторов. В этом смысле за 250 лет до рубежных социально-теоретических работ Вебера Гоббс приблизился к динамическому и процессуальному пониманию характера социальных отношений.

Примечательно, что условием признания власти суверена для Гоббса выступает эффективность использования им военно-полицейских мер: «Обязанности подданных по отношению к суверену предполагаются существующими лишь в течение того времени, и не дольше, пока суверен в состоянии защитить их»⁴⁶. Этот тезис породил «либеральную» традицию интерпретации «Левиафана», при всей условности такого обозначения позиции его автора: «Если мы можем называть либерализмом ту политическую доктрину, которая рассматривает как фундаментальный политический факт права человека, в отличие от его обязанностей, и отождествляет функцию государства с защитой или сохранением

⁴⁶ Гоббс 2001: 153.

упомянутых прав, то мы должны сказать, что основателем либерализма был Гоббс»⁴⁷.

⁴⁷ Штраус 2007: 174.

В конце «Левиафана» еще раз подчеркивается структурная связь войны и социального порядка, когда к ранее изложенным естественным законам автор добавляет обязанность граждан в случае войны защищать социальный порядок, обеспечивавший им в мирное время покой и защиту⁴⁸. Как признается сам Гоббс, экспликация данной связи, собственно, и была основным мотивом написания этого трактата, который не «имеет другой цели, как показать людям воочию взаимоотношения между защитой и повиновением»⁴⁹. Таким образом, веберовское понятие легитимного насилия может рассматриваться как продолжение политико-теоретического аргумента Гоббса.

⁴⁸ «...Всякий человек обязан в силу естественного закона защищать на войне всеми силами ту власть, от которой он сам получает защиту в мирное время» (Гоббс 2001: 464).

⁴⁹ Там же: 471.

В рамках заявленной программы Гоббс раскрывает генетическую и структурную функцию войны в установлении социального порядка современного общества-государства и целерациональный характер признания его нормативной монополии на организованное насилие.

Клаузевиц: война как продолжение политики

В отличие от Гоббса, политико-историческим фоном для размышлений которого послужила внутренняя смута в виде революции и гражданской войны⁵⁰, выдающийся военный теоретик фон Клаузевиц писал прежде всего о войнах с внешним врагом. Более того, для него, как и для многих его современников, организованное насилие было войной только в том случае, если оно осуществлялось государством, во имя государства и против государства⁵¹. Тем не менее и он утверждал, что война представляет собой разновидность социального действия, непосредственно связанного с общественными отношениями, то есть с типом общества, которым она ведется, и формой правления. По меткому выражению одного исследователя, Клаузевиц вывел войну из казармы на политический паркет, что было интеллектуальной реакцией на феноменальные военные успехи Наполеона, ясно показавшие, что после *levée en masse* невозможно не учитывать социальный контекст вооруженных конфликтов⁵².

⁵⁰ Гоббс прямо сообщает, что поводом к написанию «Левиафана» (1651 г.) стали «переживаемые нами беспорядки» (Там же).

⁵¹ См. Кревельд 2005: 67–69.

⁵² Stadler 2009: 74.

В «философском наблюдении военного искусства», как Клаузевиц называл свой главный труд «О войне», он подчеркивает политическое измерение войны, заключающееся в попытке с помощью вооруженной силы навязать тот или иной порядок господства и подчинения. Уже в определении предмета исследования он говорит о том, что цели войны всегда трансцендентны по отношению к самому физическому насилию, поскольку направлены на решение чисто политических задач: «Таким образом, физическое насилие является средством, а целью будет навязать противнику нашу волю»⁵³.

⁵³ Клаузевиц 2007: 20.

При этом Клаузевиц «социологизирует» войну, анализируя ее в качестве акта человеческого общения. Для него характер войны задается уровнем общественного устройства, на котором находятся воюющие государства: «Война исходит из этого общественного состояния

государств и их взаимоотношений, ими она обуславливается, ими она ограничивается и умеряется»⁵⁴.

⁵⁴ Там же: 21.

Обращая внимание на интенсивность применения насилия в эпоху Модерна, Клаузевиц констатирует, что «фактический рост культуры» отнюдь не парализует стремление к физическому уничтожению политического противника⁵⁵. Мало того: «Насилие использует изобретения искусств и открытия наук, чтобы противостоять насилию же. Незаметные, едва достойные упоминания ограничения, которые оно само на себя налагает в виде обычаев международного права, сопровождают насилие, не ослабляя в действительности его эффекта»⁵⁶.

⁵⁵ Там же: 22.

⁵⁶ Там же: 20.

Раймон Арон, специально исследовавший содержательные и методологические различия между ранними и поздними работами этого выдающегося теоретика войны, отмечает релевантность для социальной теории именно позднего Клаузевица, обратившегося к специфически политическому измерению войны и возможности ее «приручения» посредством политики⁵⁷. В отличие от «экзистенциального» подхода более ранних сочинений, в которых война служит делу конституирования политического сообщества (прежде всего немецкой нации в ходе наполеоновских войн), в *opus magnum* «О войне» развернута «инструментальная» концепция, предполагающая наличие легитимного политического субъекта, ведущего войну. Если в первом случае делается упор на создание и сохранение идентичности, то во втором война определяется через реализацию политических целей⁵⁸.

⁵⁷ См. Aron 1980.

⁵⁸ Münkler 1992: 108—110.

Подобно Гоббсу, поздний Клаузевиц подчеркивает, что война никогда не бывает «совершенно изолированным актом, возникающим как бы по мановению волшебника и не связанным с предшествующей государственной жизнью», ибо «страсти, разгорающиеся во время войны, должны существовать в народах еще до ее начала»⁵⁹. И дело не только в том, что темпорально она не сводится к некоему ключевому моменту или ряду одновременных столкновений. Политико-процессуальное понимание им войны обусловлено также тем, что даже победа одной из сторон не означает окончательного решения, поскольку после завершения войны складывается новая политическая ситуация. Относительным является и сам исход войны, так как «побежденная страна часто видит в нем лишь преходящее зло, которое может быть исправлено в будущем последующими политическими отношениями»⁶⁰.

⁵⁹ Клаузевиц 2007: 40.

⁶⁰ Там же: 27.

Знаменитый тезис Клаузевица: «Война есть продолжение политики, только иными средствами», — часто неверно понимается как проявление милитаристского духа или даже дискурса тотальной войны. Между тем эта формула не имеет ничего общего с легитимацией войны, в ней фиксируется прежде всего примат гражданского общества и политических интересов над военной сферой⁶¹. Не случайно Эрих Людендорф в своем манифесте «Тотальная война» прямо атакует подобное определение войны, предлагая выбросить идеи Клаузевица «за борт, поскольку это политика должна служить продолжением войны»⁶².

⁶¹ Подробнее см. Herberg-Rothe 2001: 10.

⁶² Ludendorff 1936: 10.

В анализе войны как политического действия речь идет в первую очередь о том, что война как «подлинное орудие политики» есть «продолжение политических отношений», реализуемых иными, более интенсивными методами⁶³. То есть присущая войне специфика, связанная с применением организованного насилия, является лишь средством достижения политических целей, заключающихся в навязывании своей воли и установлении порядка собственного господства: «Война в человеческом обществе — война целых народов, и притом народов цивилизованных, всегда вытекает из политического состояния и вызывается лишь политическими мотивами. Она, таким образом, представляет собой политический акт»⁶⁴.

⁶³ Клаузевиц 2007: 38.

⁶⁴ Там же: 37.

Этот комплекс идей делает размышления Клаузевица о войне релевантными для социальной теории вообще и теории социального порядка в частности. В целом данный подход продолжает традицию Макиавелли и Гоббса, видевших в монополии на насилие внутри общества и поддержание баланса сил вовеки предпосылку предотвращения войны всех против всех и тем самым сохранения внутреннего и внешнего мира.

Согласно этому «философу в военной форме», трудности научной проблематизации войны связаны с уникальным набором элементов, требующих анализа в рамках полемологического дискурса и включающих в себя физическое насилие, инстинкт ненависти, инструментальную политическую рациональность и т.д. Понимание войны как продолжения политического процесса в максимально интенсивной форме «пульсации насилия» представляет собой важный эвристический инструмент, помогающий приблизиться к решению сложной социально-теоретической задачи операциональной концептуализации этого «хамелеона», постоянно модифицирующего свою природу⁶⁵.

⁶⁵ Там же: 40.

⁶⁶ Штраус 2012: 120.

⁶⁷ Сходную мысль можно найти у Самюэля Хантингтона, который подчеркивает, что в политическом

**Шмитт:
семантика войны
и политическое**

противостояния отстаиваются не только групповые интересы, но и коллективные идентичности: «Мы узнаем, кем являемся, только после того, как нам становится известно, кем мы не являемся, и только затем мы узнаем, против кого мы» (Хантингтон 2003: 6).

В своем знаменитом трактате «Понятие политического» Шмитт использует для операционализации политики такие базовые категории языка войны, как оппозиция «друг — враг». По словам Лео Штрауса, если «для Гоббса в естественном состоянии каждый враг каждого, то для Шмитта всякое политическое отношение ориентировано на друга и врага»⁶⁶. Тем самым война, понимаемая им как наиболее интенсивная форма экзистенциального противостояния конфликтующих сторон, становится сущностным, предельным выражением структурно обусловленной борьбы различных групп людей⁶⁷.

Это квазимилитарное разделение на политических друзей и врагов, конкурирующих за право определять социальный порядок, Шмитт полагает непреложным социологическим фактом, задающим рамку концептуализации политического как пространства публичной борьбы коллективных интересов. При этом, с его точки зрения, конститутивный характер различения друга и врага сохраняется независимо от моральных оценок войны как «атавистического пережитка варварских

времен» и вопреки надеждам на то, что «однажды это различие исчезнет с лица земли». Конечно, можно «выдумывать, будто врагов вообще больше нет», однако если предметом научного анализа выступают не нормативные фикции, а «бытийственная действительность», то реальность такого различия применительно к «каждому политически существующему народу» отрицать невозможно⁶⁸.

⁶⁸ Шмитт 1992: 40—41.

Эвристически различие друга и врага — эффективный, хотя и небезопасный способ проверки наличия самого социального порядка, а также уровня интегрированности того или иного политического целого, поскольку оно *per definitionem* фиксирует «высшую степень интенсивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации»⁶⁹. Фигура потенциально выявляемого политического врага как радикально Другого, чужого, то есть не относящегося к данному политическому сообществу, маркирует постоянно присутствующую возможность интенсификации внутреннего конфликта, который в экстремальных случаях нельзя разрешить посредством правовых норм, действующих в рамках сложившегося социального порядка. По сути, это первая фаза гражданской войны, все еще остающейся латентной, пока формирующиеся группировки не опознают друг в друге экзистенциальную угрозу собственному существованию. Но как только отличия политического оппонента получают статус «инобытия чужого», представляющего опасность для социального порядка, конфликт неизбежно переходит в насильственную фазу вплоть до военных действий⁷⁰.

⁶⁹ Там же: 40.

⁷⁰ Там же: 40—43.

Шмитт подчеркивает, что речь здесь идет не о конфронтации отдельных граждан («...у частного человека нет политических врагов»⁷¹), а об экзистенциальной схватке с публичным врагом, принадлежащим к «борющейся совокупности людей, противостоящей точно такой же совокупности»⁷². Иными словами, как справедливо отмечает Штраус, «естественное состояние Шмитт определяет принципиально иначе, чем Гоббс. Для Гоббса оно является состоянием войны индивидуумов, для Шмитта — это состояние войны групп (в особенности народов)»⁷³.

⁷¹ Там же: 53.

⁷² Там же: 41.

⁷³ Штраус 2012: 120.

Наиболее интенсивным, по Шмитту, является политическое противостояние, которое затрагивает саму структуру общества, разделенного на враждующие группы. Однако в современных условиях такая интенсивность по большей части связывается с внешним врагом, обычно в виде политического единства другого народа. Прямой перенос бинарного кода с внешней политики⁷⁴ на внутреннюю проблематичен, поскольку внутри интегрированного государства как замиренного социального порядка борьба, как правило, носит ослабленный характер, принимая форму различных политик, «в которых от изначального разделения на группы „друг — враг“ остается уже лишь какой-то антагонистический момент, находящий свое выражение во всякого рода тактике и практике, конкуренции и интригах и характеризующий как „политику“ самые диковинные гешефты и манипуляции»⁷⁵. Но и здесь на чисто семантическом уровне сохраняется отсылка к радикальному противостоянию, которое выступает структурным ядром политического даже

⁷⁴ Не следует, впрочем, забывать, что на протяжении веков в рамках европейского баланса сил существовала система коалиций, в которой враг одновременно означал потенциально друга (см. Веуте 1991: 97).

⁷⁵ Шмитт 1992: 42.

там, где давно утрачены коннотации «серьезного случая» (Ernstfall), традиционно означавшего именно войну.

Более того, Шмитт показывает, что сам словарь политических понятий, посредством которых концептуализируется существующий социальный порядок («общество», «государство», «класс», «диктатура» и т.д.), остается непонятен вне военной оптики, всегда предполагающей того, «кто in concreto должен быть поражен, побежден, подвергнут отрицанию и опровергнут посредством именно такого слова»⁷⁶.

⁷⁶ Там же.

В случае резкого ослабления рамочного социального порядка, отождествляемого с всеохватывающим политическим единством, то есть государством, внутригосударственные (межпартийные) противоречия могут приобрести более интенсивный характер, нежели противоречия с другими государствами. В подобной ситуации внутреннее разделение по линии «друг — враг» способно привести к вооруженному противостоянию: «Реальная возможность борьбы, которая должна всегда наличествовать, дабы речь могла вестись о политике, при такого рода „примате внутренней политики“ относится, следовательно, уже не к войне между организованными единствами народов (государствами или империями), но к войне гражданской»⁷⁷.

⁷⁷ Там же: 43. Примечательно, что в первой редакции «Понятия политического» (1927 г.) Шмитт 77 раз говорит о войне, но ни разу не использует понятие «гражданская война». В редакции 1932 г. ситуация радикально меняется, и гражданская война анализируется наряду с войной между государствами (см. Майер 2012: 36).

Шмитт подробно анализирует механизм превращения конфессиональных, моральных и иных противоречий в собственно политические (что в свое время интересовало и Гоббса), когда религиозные сообщества, экономические классы в марксистском смысле и другие группы интересов начинают рассматривать своих оппонентов и конкурентов в качестве экзистенциальных врагов, что приводит к разрушению политического единства, распаду сложившегося порядка и в конечном счете к войне внутри государства: «Если противодействующие хозяйственные, культурные или религиозные силы столь могущественны, что принимают решение о серьезном обороте дел исходя из своих специфических критериев, то именно тут они и стали новой субстанцией политического единства»⁷⁸.

⁷⁸ Шмитт 1992: 46.

Понятно, что начало боевых действий внутри страны означает крах государства как политического единства (смерть Левиафана), старый порядок которого уже не в состоянии предотвратить убийство людей и сам гибнет в пламени гражданской войны. Такая интенсификация внутренней вражды вплоть до перехода к физическому истреблению политических конкурентов, внезапно превратившихся в экзистенциальных врагов, есть неизбежно присутствующая потенциальная опция, выступающая структурной характеристикой социального порядка *per se*. Ее исторически регулярная актуализация показывает, что здесь мы имеем дело со спецификой самой социальной онтологии, в каждый момент зависящей от фактического, а не нормативного признания со стороны акторов.

Другими словами, несмотря на неактуализированность опции войны в нормальной, повседневной жизни, то есть при наличии устойчивого социального порядка, она тем не менее всегда сохраняется «как

- ⁷⁹ Там же. реальная возможность, покуда смысл имеет понятие врага»⁷⁹. Любопытно, что при этом Шмитт прямо дистанцируется от белицистской интерпретации своего определения политического: «...дело отнюдь не обстоит таким образом, словно политическое бытие (Dasein) — это не что иное, как кровавая война, а всякое политическое действие — это действие военное и боевое». Словно предвидя будущие обвинения в милитаризации данного понятия, Шмитт отказывается отождествлять войну и революцию с «социальным», указывая на ошибочность пространственного толкования формулы Клаузевица: «Военная борьба, рассматриваемая сама по себе, не есть „продолжение политики иными средствами“, как чаще всего — неправильно — цитируют знаменитые слова Клаузевица, но, как война, она имеет свои собственные стратегические, тактические и иные правила и точки зрения»⁸⁰. Самое важное здесь для Шмитта заключается в том, что все эти технические правила войны предполагают наличие «политического решения о том, кто есть враг»⁸¹.

Отмечая инструментальный характер войны в концепции Клаузевица, для которого она есть «чистый инструмент политики», Шмитт вместе с тем подчеркивает, что ее значение для понимания сущности политики этим не исчерпывается: «При ближайшем рассмотрении война у Клаузевица является не столько одним из многих инструментов, сколько ultima ratio разделения на друзей и врагов. Война имеет свою собственную „грамматику“» (i.e. военно-техническую специфику), однако политика остается ее «мозгом, поскольку у нее нет „собственной логики“»⁸². Эту логику война может получить исключительно из понятий друга и врага: «Война как самое крайнее политическое средство вскрывает лежащую в основе всякого политического представления возможность... различения друга и врага <...> Но если дело доходит до разделения на такие боевые группы, то главная противоположность больше уже не является чисто религиозной, моральной или экономической, она является противоположностью политической. Вопрос затем состоит всегда только в том, наличествует ли такое разделение на группы друзей и врагов как реальная возможность или как действительность или же его нет, независимо от того, какие человеческие мотивы оказались столь сильны, чтобы его вызвать»⁸³.

Сам Шмитт исходит из того, что именно в структурном смысле война представляет собой *conditio humana*, поскольку «это вообще не цель и даже не содержание политики, но, скорее, как реальная возможность она есть всегда наличествующая предпосылка, которая уникальным образом определяет человеческое мышление и действие и тем самым вызывает специфически политическое поведение»⁸⁴.

Несмотря на очевидный процесс внутреннего замирения государств эпохи Модерна и установления ими на своей территории «спокойствия, безопасности и порядка», имеется достаточно макросоциологически и исторически бесспорных примеров гибели некогда устойчивых социальных порядков: «Каждое из многочисленных изменений

и переворотов в человеческой истории и развитии порождало новые формы и новые измерения политического разделения на группы, уничтожало существовавшие ранее политические образования, вызывало войны внешние и войны гражданские и то умножало, то уменьшало число организованных политических единств»⁸⁵.

⁸⁵ Там же: 49.

Это в полной мере относится и к государствам современного, конституционного типа. Внешне они могут казаться умиротворенными, территориально-интегрированными и закрытыми для чужаков, но и их судьба часто решается через гражданскую войну: «Как говорит Лоренц фон Штейн, конституция является выражением общественного порядка, выражением существования самого государственно-гражданского общества. Так как атака идет именно на него, то поэтому и борьба должна решиться вне конституции и вне права, то есть силой оружия»⁸⁶.

⁸⁶ Там же: 50.

Опираясь на длительную социально-теоретическую традицию, восходящую еще к Гоббсу, Шмитт говорит о двух взаимосвязанных функциях любого эффективного государства, которое должно обеспечивать защиту и требовать повиновения, без чего «нет никакого порядка субординации, никакой разумной легитимности или легальности»: «Protego ergo oblige — это cogito ergo sum государства <...> Эту истину Гоббс постиг в скверные времена гражданской войны, ибо тогда пропадают все легитимистские и нормативистские иллюзии относительно политической действительности государства, которыми люди охотно обманывают себя во времена безмятежной безопасности»⁸⁷.

⁸⁷ Там же: 53.

В перспективе Шмитта война — это не просто *ultima ratio* («самое крайнее политическое средство», *Ernstfall*), но фактор, играющий конститутивную роль для социального порядка как такового⁸⁸.

⁸⁸ Штраус 2012: 117—118.

Фуко: la lotta continua

Проблематика, связанная с практиками господства, насилия и войны внутри общества, находится в центре исследовательского интереса Фуко, разработавшего оригинальную оптику анализа власти, понимаемой им как столкновение неравных сил («силовое отношение»). В этом смысле трудно найти другого философа, который бы столь методично мыслил само социальное в категориях борьбы, принуждения и сопротивления. Важное место среди размышлений Фуко о роли структурного насилия в эпоху Модерна занимает курс лекций «Нужно защищать общество», прочитанный им в середине 1970-х годов в Коллеж де Франс. В лекциях этого курса, посвященных соотношению войны и социального порядка и структурному воздействию на общество военных действий, он ставит под сомнение традиционные способы концептуализации власти как функции экономики (марксизм) или как суверенитета, конституированного посредством передачи естественных прав (теории общественного договора). Вместо анализа власти в терминах защиты производственных или договорных отношений французский ученый предлагает анализировать ее в терминах борьбы, столкновения сил и войны. В рамках данного подхода, который он условно называет

«гипотезой Ницше», Фуко формулирует альтернативную исследовательскую программу, направленную на обнаружение феномена войны и силовых отношений внутри политического общества⁸⁹.

⁸⁹ Фуко 2005: 37—39.

В концепции Фуко силовые отношения вписаны в социальный порядок — «в институты, в экономическое неравенство, в язык, в соотношение тех или иных слоев населения»⁹⁰. В этой «милитарной» оптике любая борьба за политическую власть или за изменение баланса сил внутри, казалось бы, «замиреного» общества предстает не только как продолжение войны с использованием иных средств, но как элемент самих военных действий⁹¹. А репрессии, которые ключевая для политического Модерна социально-теоретическая традиция, идущая еще от Гоббса, допускала в качестве неизбежных и легитимных, оказываются «не чем иным, как приведением в действие вечных силовых отношений внутри того псевдомира, который представляет собой просто результат непрерывной войны»⁹².

⁹⁰ Там же: 36.

⁹¹ Там же: 36—37.

⁹² Там же: 38. Ср.: «...историческая теория суверенитета — большая ловушка, в которую можно попасть при анализе власти» (Там же: 53).

Вступая в заочный спор с другим классиком, Фуко утверждает, что «политика это война, продолженная другими средствами». Подобная переформулировка тезиса Клаузевица означает, что любой социальный порядок в первую очередь сохраняет и санкционирует неравенство сил, манифестирующее себя в войне: «...существующие в обществе, подобном нашему, властные отношения связаны в своей основе с некоторым соотношением сил, установившимся в исторически определенный момент в войне и с помощью войны. И если правда, что политическая власть останавливает войну, устанавливает или пытается установить мир в гражданском обществе, это происходит не для того, чтобы ликвидировать последствия войны или устранить неравновесие, проявившееся в последней военной битве»⁹³.

⁹³ Там же: 36.

Стоит ли говорить, что такая «милитаризация» властно-аналитического дискурса порождает трудноразрешимую социально-теоретическую и общественно-практическую проблему. Если существующий социальный порядок, насквозь пронизанный отношениями власти и подчинения, всегда является результатом предшествующей латентной или открытой войны, то его можно разрушить лишь через новую войну: «...последнее решение может исходить только от войны, то есть от соотношения сил, когда армии должны будут выступать в качестве судей»⁹⁴. Возникает замкнутый круг, когда борьба с угнетением в обществе сама ведется с помощью насилия и влечет за собой воспроизводство навязанного порядка. Более того, сам субъект (душа) оказывается продуктом дисциплинарных практик. Отсюда постоянная борьба Фуко с «репрессивной гипотезой».

⁹⁴ Там же: 37.

В любом случае выход из системы структурного насилия посредством окончательного военного решения крайне проблематичен в силу самой природы политического, не позволяющей реалистически помыслить некий «конец политики» в виде «последней битвы», которая «остановила бы наконец функционирование власти как непрерывной войны»⁹⁵.

⁹⁵ Там же.

NB! На эту дилемму указывал в свое время Шмитт: «Если воля воспрепятствовать войне столь сильна, что она не пугает больше самой войны, то она, значит, стала именно политическим мотивом, то есть она утверждает, пусть даже лишь как крайнюю возможность, войну — и даже: смысл войны. В настоящее время это кажется самым перспективным способом оправдания войны. Война тогда разыгрывается в форме „последней окончательной войны человечества“. Такие войны — это войны по необходимости, особенно интенсивные и бесчеловечные, ибо они, выходя за пределы политического, должны одновременно умять врага в категориях моральных и иных и делать его бесчеловечным чудовищем»⁹⁶.

⁹⁶ Шмитт 1991: 44—45.

Эти и другие семантические и методологические проблемы препятствуют продуктивному применению фукольдианской версии политического, несмотря на ее несомненный интерес и сопряженные с ней исследовательские перспективы. И дело здесь прежде всего в одномерности радикальной критики имманентно насильственного характера Модерна, особенно заметной у Фуко в его условно ницшеанский период, когда он исходил из повсеместного присутствия в общественных отношениях структурного насилия, трактуемого как институционализирующаяся война: «Вы мне скажете, что нельзя изначально смешивать рассматриваемое соотношение сил с отношениями воюющих сторон. Но можно смотреть на войну как на своего рода экстремальный случай, поскольку война представляется просто сферой максимального напряжения, обнаженности силовых отношений»⁹⁷.

⁹⁷ Фуко 2005: 63.

Именно война являлась для Фуко эвристическим ключом к пониманию природы социального порядка — он называл ее «принципом анализа властных отношений»⁹⁸. В этом смысле его исследовательская программа была попыткой проследить, «в какой мере бинарная схема войны, борьбы, столкновения сил может эффективно служить для трактовки основы гражданского общества, быть одновременно принципом и движущей силой политической власти»⁹⁹. Она была направлена на критическое рассмотрение функций господства, нейтрально или даже позитивно описываемых в рамках доминирующей теоретической традиции: «Содержится ли какая-то доля истины в популярной, хотя и относительно недавно возникшей идее о необходимости защиты общества со стороны власти, верно ли, что общество организовано в своей политической структуре таким образом, чтобы некоторые могли защищаться от других, или защищать свое господство от восстания других, или, еще проще, защищать свою победу и увековечивать ее, навязывая другим состояние подчинения?»¹⁰⁰

⁹⁸ Там же: 42.

⁹⁹ Там же: 38—39.

¹⁰⁰ Там же: 39.

Возвращаясь к формуле Клаузевица, Фуко утверждает, что своим определением войны как продолжения политики тот просто перевернул существовавший задолго до него принцип, согласно которому «политика это война, продолженная другими средствами», и объясняет это важное дискурсивное изменение эволюцией практических форм

и институтов войны, произошедшей в результате консолидации силовых ресурсов в руках центральной власти в Новое время. При этом он указывает на явный парадокс. С одной стороны, происходит этатизация войны, исключившая из общественной практики те «частные войны», о которых писал Гоббс. То есть социальное пространство очищается от военной агрессии внутри себя, и война перемещается на границы между государствами. С другой стороны, изгнанная вовне война отныне понимается как «как постоянное социальное отношение, как неустрашимая основа всех отношений и всех институтов власти»¹⁰¹.

¹⁰¹ Там же: 66.

Фуко реконструирует этот новый дискурс на обширном историческом материале XVII, XVIII и даже XIX вв. Его ядро составляет представление о том, что хотя военные баталии, на крови и грязи которых замешаны мир, право и законы, остались в относительно далеком прошлом, замирение носит лишь формальный характер: «Война продолжает свирепствовать внутри всех, даже самых упорядоченных механизмов власти. Именно война является движущим стимулом институтов и порядка: даже малейшие проявления мира скрыто порождены войной»¹⁰².

¹⁰² Там же: 67—68.

Дискурс вечной войны обнаруживает в институтах существующего социального порядка последствия реальных битв прошлого, действительных побед и поражений, которые наложили глубокий структурный отпечаток на настоящее. Идея о том, что при видимости мира и спокойствия в обществе идет перманентная война, в дальнейшем может принимать различные дискурсивные формы (теории рас, социального конфликта и т.д.): «Это и есть сформулированная начиная с XVII века идея, согласно которой общество всецело охвачено столкновением рас, она послужила матрицей всех будущих форм, с помощью которых позже будут выражать природу и механизмы социальной войны»¹⁰³. В исходном виде она гласила: «Мы должны защищаться против наших врагов, потому что фактически государственный аппарат, закон, структуры власти не только не защищают нас от врагов, а становятся инструментами, с помощью которых наши враги нас преследуют и поработают»¹⁰⁴.

¹⁰³ Там же: 77.

¹⁰⁴ Там же: 78.

Отсюда же Фуко выводит дискурс революции, который не сводится к попыткам возобновить социальную войну, но в значительном мере основывается на обнаружении «асимметрий, нарушений равновесия, несправедливости и насилий, которые существуют вопреки законному порядку, в его глубине, с его помощью и благодаря ему»¹⁰⁵. Идея и практика революционного проекта, считает он (тем самым максимально сближаясь с Франкфуртской школой), заключаются в выявлении «действительной войны», которая происходит в обществе, тогда как «молчаливый порядок власти» пытается ее замаскировать¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Там же: 94.

¹⁰⁶ Там же.

Примечательно отношение Фуко к Гоббсову анализу роли войны при возникновении социального порядка. Это имя, констатирует он, первым приходит на ум каждому, кто пытается рассматривать военные действия как принцип отношений власти, поскольку «при рождении большого механизма, составляющего государство, суверена, Левиафана, в основании его порядка, позади его мира, ниже уровня закона

для Гоббса существует не просто война, а самая большая из всех войн, она присутствует в каждом мгновении общественной жизни и во всех ее измерениях: „война всех со всеми“¹⁰⁷.

¹⁰⁷ Там же: 103.

Фуко признает, что война у Гоббса не просто конститутивна для рождения Левиафана, но и далее сохраняется внутри него как неизбежная угроза установленному порядку. В то же время он обращает внимание на довольно странный характер этой войны: в отличие от реальных войн, выявляющих фактическое неравенство сил, война у Гоббса — это война равных, которая порождается этим равенством и получает свое развитие в рамках сохраняющегося баланса военных ресурсов. Поэтому он предлагает рассматривать войну всех против всех не в качестве прямого столкновения сил, а в качестве постоянной проекции силы социальными акторами, стремящимися улучшить свои статусные позиции: «...речь идет фактически о своего рода постоянной основе общественной жизни, предполагающей множество обдуманых хитростей, запутанных подсчетов с тех пор, как нет безопасности, не фиксируется различие и сила не признается явственно за одной из сторон»¹⁰⁸.

¹⁰⁸ Там же: 107.

Это позволяет Фуко сделать вывод об ошибочности представлений о военном генезисе социального порядка в «Левиафане», поскольку, по его мнению, «конституирование суверенитета обходится без военного фактора». Для него весь дискурс Гоббса — это, напротив, решительное «нет» войне: в действительности не война порождает государства, не она является основой суверенитета и не она фиксирует в условиях гражданского мира асимметрию сил, выявляемую в результате боевых действий¹⁰⁹.

¹⁰⁹ Там же: 111.

Фуко приходит здесь к парадоксальному заключению: несмотря на широкое использование военных метафор, дискурс Гоббса скорее пытается исключить войну из генезиса социального порядка, утверждая примат философско-юридического понятия суверенитета над реальным политико-историческим опытом, касающимся завоеваний, революций и структурных последствий организованного насилия. В связи с этим он даже говорит об иронии интеллектуальной истории, проявившейся в том, что «умиротворяющий» апологет договора и суверенитета был воспринят многими интерпретаторами как скандальный теоретик войны, хотя «именно против дискурса борьбы и постоянной гражданской войны выступал Гоббс, обнаруживая договор в конце войны и всякого завоевания и спасая тем самым теорию государства»¹¹⁰.

¹¹⁰ Там же: 112—113.

Фуко противопоставляет философско-юридический дискурс Гоббса, по сути обосновывающий рациональность признания порядка суверенной власти, политико-историческому дискурсу, направленность пафоса которого абсолютно антигоббсовская: «...с тех пор как возникли властные отношения мы не находимся в ситуации права и суверенитета; мы находимся в условиях господства, в исторически неопределенной по содержанию и многообразной ситуации господства»¹¹¹.

¹¹¹ Там же: 125.

Эвристическое значение «политического историзма», возникающего в наиболее острые периоды истории, заключается в том, что его

оптика позволяет анализировать социальный порядок в терминах борьбы и войны, что было близко методологическим и идеологическим взглядам самого Фуко.

Заключение

Анализ взаимоотношений понятий войны и политики у Гоббса, Клаузевица, Шмитта и Фуко на семантическом уровне показывает значительное расхождение их позиций. Так, Клаузевиц утверждает, что война является продолжением политического общения с помощью других средств, или, короче, продолжением политики. Шмитт же, напротив, говорит о тождественности войны и политики, *i.e.* о том, что именно в войне политическое находит самое адекватное свое выражение. Фуко со своей стороны элегантно переворачивает Клаузевица, рассматривая не войну как продолжение политики, а совсем наоборот — политику как продолжение войны. Что касается Гоббса, то война, особенно гражданская, описывается им в качестве прямой противоположности порядку, гарантом которого выступает суверен, тождественный самому государству. В свою очередь Шмитт субстанциализирует конфликтность якобы замиренных современных обществ, подчеркивая постоянно присутствующее экзистенциальное измерение политического действия, которое в «серьезном случае» всегда может принять форму войны.

В то же время в анализируемых текстах очевидно тесное переплетение понятий социального порядка и войны. Для Клаузевица, например, война — это скорее форма внешнего проецирования порядка в собственных интересах. Опасность, которую он при этом обнаруживает, состоит в том, что война представляет угрозу для самого порядка: он постоянно предупреждает, что война непредсказуема, что она не ведет ни к какому устойчивому результату и потому может иметь непредвиденные последствия для собственной территории (и действующего там социального порядка). Та же идея встречается и у Шмитта, который идет еще дальше, анализируя политическое с помощью динамической модели, предполагающей постоянную возможность разрушения и созидания порядка. Примерно о том же говорит Фуко: социальный порядок в его трактовке выступает как образ, форма трансформации структуры власти, рациональность которой соответствует рациональности войны.

Помимо этого все авторы — и Гоббс, и Клаузевиц, и Шмитт, и Фуко — в своих интерпретациях войны подчеркивают, что структурное насилие (наиболее интенсивной формой которого и является война) есть осознанная попытка принудить контрагентов к действиям, которых они в ином случае не совершили бы, что имеет принципиальное значение для любой формы социального порядка. Ведь речь идет о политически мотивированном применении насилия с целью утверждения/поддержания навязанного порядка.

Возвращаясь к исходной постановке вопроса, вынесенной в заглавие статьи, следует отметить, что сама война — это не природное

явление, а результат, выражение созданного людьми порядка. В качестве причины войны можно рассматривать заблуждения человеческого разума (Гоббс), структуры господства (Фуко), политическое (Шмитт) или государство (Клаузевиц). Однако война есть *ultima ratio* в совершенно ином смысле, нежели принято считать: она не столько крайнее из возможных решений, сколько действительно последнее решение, принятие которого приводит к радикальной трансформации или даже концу существующей структуры порядка.

В работах Гоббса, Клаузевица, Шмитта и Фуко акцентируется методологическая необходимость различения феноменологии войны и ее значимости для структур социального действия. В свою очередь это требует отказа от наивно-гуманистической установки современной социальной науки, традиционно рассматривающей насилие как рудимент прошлого в замиренном настоящем, *i.e.* как подлежащую коррекции проблему общественной практики, а не культурную универсалию, составляющую самостоятельный предмет социально-теоретической рефлексии.

Адекватный социально-теоретический анализ проблемы социального порядка также требует признания войны потенциально всегда открытой опцией коллективного насилия, что, со своей стороны, позволяет видеть в ней не столько девиацию, отклонение от нормального протекания общественных процессов или крайнюю политическую меру (*ultima ratio*), сколько базовое условие человеческого общежития (*conditio humana*). Ведь даже утверждение в Новое время государственной монополии на вооруженное насилие, следствием которого стало значительное внутреннее замирение обществ современного типа, тем не менее не вытеснило насилие из социальных практик, но придало ему новые организационные формы (о чем свидетельствует, в частности, известная трактовка Первой мировой войны как «европейской гражданской»). В любом случае устойчивый социальный порядок является необходимым условием приручения насилия, а насилие — необходимым условием поддержания социального порядка¹¹².

¹¹² Popitz 1986: 69.

Несмотря на очевидную роль в исторической динамике современных обществ войн и революций, ставших важными факторами общественной трансформации в Новое время, социологическая теория только приближается к адекватной аналитической экспликации функциональности организованного насилия применительно к структурам социального действия. Важным эвристическим ресурсом в этом когнитивном процессе могут выступить сочинения классиков философской и социально-теоретической мысли, рассматривавших войну в качестве конститутивного опыта Модерна и видевших свою исследовательскую задачу в постижении социально-онтологических импликаций войны.

Библиография

- Гоббс Т.** 1989. *Основы философии. Ч. 3: О гражданине.* — М.
- Гоббс Т.** 2001. *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского.* — М.
- Калдор М.** 2015. *Новые и старые войны: Организованное насилие в глобальную эпоху.* — М.
- Кильдюшов О.В.** 2015. 10 Theses on War and Social Order: Preliminary Arguments on the Constitutive Functions of Armed Conflicts // *Социологическое обозрение.* № 4 (http://sociologica.hse.ru/data/2015/12/30/1136161057/RusSocRev_14_4_140_Kildyushov.pdf).
- Клаузевиц К.** 2007. *О войне.* — М., СПб.
- Кревельд М. ван.** 2005. *Трансформация войны.* — М.
- Луман Н.** 1994. Понятие общества // *Бороноев А.О. (ред.) Проблемы теоретической социологии.* — СПб.
- Майер Х.** 2012. *Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического».* — М.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.** 2011. *Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества.* — М.
- Филиппов А.Ф.** 1991. Социология и космос: Суверенитет государства и суверенность социального // *Социо-Логос: Социология. Антропология. Метафизика. Вып. 1: Общество и сферы смысла.* — М.
- Филиппов А.Ф.** 2006. Критика Левиафана // *Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса.* — СПб.
- Фуко М.** 2005. *Нужно защищать общество.* — СПб.
- Хайдеггер М.** 1998. *Введение в метафизику.* — СПб.
- Хантингтон С.** 2003. *Столкновение цивилизаций.* — М.
- Шмитт К.** 1992. Понятие политического // *Вопросы социологии.* № 1.
- Шмитт К.** 2006. *Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса.* — СПб.
- Штраус Л.** 2007. *Естественное право и история.* — М.
- Штраус Л.** 2012. Замечания к «Понятию политического» Карла Шмитта // *Майер Х. Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического».* — М.
- Aron R.** 1980. *Clausewitz, den Krieg denken.* — Frankfurt/M.
- Beume K. von.** 1991. *Theorie der Politik im 20. Jahrhundert: Von der Moderne zur Postmoderne.* — Frankfurt/M.
- Giddens A.** 1985. *The Nation-State and Violence.* — Cambridge.
- Herberg-Rothe A.** 2001. *Das Rätsel Clausewitz: politische Theorie des Krieges im Widerstreit.* — München.
- Janowitz M.** 1975. *Military Conflict: Essays in the Institutional Analysis of War and Peace.* — Beverly Hills.
- Joas H., Knöbl W.** 2008. *Kriegsverdrängung: Ein Problem in der Geschichte der Sozialtheorie.* — Frankfurt/M.
- Knöbl W.** 1995. *Polizei und Herrschaft im Modernisierungsprozeß: Staatsbildung und innere Sicherheit in Preußen, England und Amerika 1700—1914.* — Frankfurt/M., N.Y.

- Krieg:** *Philosophische Texte von der Antike bis zur Gegenwart*. 2004. — Stuttgart.
- Ludendorff** E. 1936. *Der Totale Krieg*. — München.
- Luhmann** N. 2001. Vorbemerkungen zu einer Theorie sozialer Systeme // Luhmann N. *Aufsätze und Reden*. — Stuttgart.
- Mann** M. 1988. *States, War and Capitalism*. — Oxford.
- Maurer** A. 1999. *Herrschaft und soziale Ordnung: Kritische Rekonstruktion und Weiterführung der individualistischen Theorettradition*. — Opladen, Wiesbaden.
- Münkler** H. 1992. *Gewalt und Ordnung: das Bild des Krieges im politischen Denken*. — Frankfurt/M.
- Parsons** T. 1937. *The Structure of Social Action*. — N.Y.
- Popitz** H. 1986. *Phänomene der Macht: Autorität — Herrschaft — Gewalt — Technik*. — Tübingen.
- Schmitt** C. 1932. *Der Begriff des Politischen. Mit einer Rede über das Zeitalter der Neutralisierungen und Entpolitisierungen*. — München, Leipzig.
- Shaw** M. 1991. *Post-Military Society*. — Cambridge.
- Spohn** W. 2005. Neue Historische Soziologie: Charles Tilly, Theda Skocpol, Michael Mann // Kaesler D. (Hrsg.) *Aktuelle Theorien der Soziologie: Von Shmuel N. Eisenstadt bis zur Postmoderne*. — München.
- Stadler** Ch. 2009. *Krieg*. — Wien.

References

- Aron** R. 1980. *Clausewitz, den Krieg denken*. — Frankfurt/M.
- Beyme** K. von. 1991. *Theorie der Politik im 20. Jahrhundert: Von der Moderne zur Postmoderne*. — Frankfurt/M.
- Clausewitz** C. 2007. *O vojine*. — M., SPb.
- Crevelde** M. van. 2005. *Transformacija vojny*. — M.
- Filippov** A.F. 1991. Sociologija i kosmos: Suverenitet gosudarstva i suverenost' social'nogo // *Socio-Logos: Sociologija. Antropologija. Metafizika. Vyp. 1: Obshhestvo i sfery smysla*. — M.
- Filippov** A.F. 2006. Kritika Levifana // Schmitt C. *Leviafan v uchenii o gosudarstve Thomasa Hobbesa*. — SPb.
- Foucault** M. 2005. *Nuzhno zashhishhat' obshhestvo*. — SPb.
- Giddens** A. 1985. *The Nation-State and Violence*. — Cambridge.
- Heidegger** M. 1998. *Vvedenie v metafiziku*. — SPb.
- Herberg-Rothe** A. 2001. *Das Rätsel Clausewitz: politische Theorie des Krieges im Widerstreit*. — München.
- Hobbes** T. 1989. *Osnovy filosofii. Ch. 3: O grazhdanine*. — M.
- Hobbes** T. 2001. *Leviafan, ili Materija, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo*. — M.
- Huntington** S. 2003. *Stolknovenie civilizacij*. — M.
- Janowitz** M. 1975. *Military Conflict: Essays in the Institutional Analysis of War and Peace*. — Beverly Hills.
- Joas** H., Knöbl W. 2008. *Kriegsverdrängung: Ein Problem in der Geschichte der Sozialtheorie*. — Frankfurt/M.

- Kaldor M.** 2015. *Novye i starye vojny: Organizovannoe nasilie v global'nuju ehpokhu.* — M.
- Kildyushov O.V.** 2015. 10 Theses on War and Social Order: Preliminary Arguments on the Constitutive Functions of Armed Conflicts // *Sociologicheskoje obozrenie.* № 4 (http://sociologica.hse.ru/data/2015/12/30/1136161057/RusSocRev_14_4_140_Kildyushov.pdf).
- Knöbl W.** 1995. *Polizei und Herrschaft im Modernisierungsprozeß: Staatsbildung und innere Sicherheit in Preußen, England und Amerika 1700—1914.* — Frankfurt/M., N.Y.
- Krieg:** *Philosophische Texte von der Antike bis zur Gegenwart.* 2004. — Stuttgart.
- Ludendorff E.** 1936. *Der Totale Krieg.* — München.
- Luhmann N.** 1994. Ponjatje obshhestva // Boronoev A.O. (ed.) *Problemy teoreticheskoy sociologii.* — SPb.
- Luhmann N.** 2001. Vorbemerkungen zu einer Theorie sozialer Systeme // Luhmann N. *Aufsätze und Reden.* — Stuttgart.
- Mann M.** 1988. *States, War and Capitalism.* — Oxford.
- Maurer A.** 1999. *Herrschaft und soziale Ordnung: Kritische Rekonstruktion und Weiterführung der individualistischen Theorettradition.* — Opladen, Wiesbaden.
- Meier H.** 2012. *Carl Schmitt, Leo Strauss i «Ponjatje politicheskogo».* — M.
- Münkler H.** 1992. *Gewalt und Ordnung: das Bild des Krieges im politischen Denken.* — Frankfurt/M.
- North D., Wallis D., Weingast B.** 2011. *Nasilie i social'nye porjadki: Konceptual'nye ramki dlja interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva.* — M.
- Parsons T.** 1937. *The Structure of Social Action.* — N.Y.
- Popitz H.** 1986. *Phänomene der Macht: Autorität — Herrschaft — Gewalt — Technik.* — Tübingen.
- Schmitt C.** 1932. *Der Begriff des Politischen. Mit einer Rede über das Zeitalter der Neutralisierungen und Entpolitisierungen.* — München, Leipzig.
- Schmitt C.** 1992. Ponjatje politicheskogo // *Voprosy sociologii.* № 1.
- Schmitt C.** 2006. *Leviafan v uchenii o gosudarstve Thomasa Hobbesa.* — SPb.
- Shaw M.** 1991. *Post-Military Society.* — Cambridge.
- Spohn W.** 2005. Neue Historische Soziologie: Charles Tilly, Theda Skocpol, Michael Mann // Kaesler D. (Hrsg.) *Aktuelle Theorien der Soziologie: Von Shmuel N. Eisenstadt bis zur Postmoderne.* — München.
- Stadler Ch.** 2009. *Krieg.* — Wien.
- Strauss L.** 2007. *Estestvennoe pravo i istorija.* — M.
- Strauss L.** 2012. Zamechanija k «Ponjatiju politicheskogo» Carla Schmitta // Meier H. *Carl Schmitt, Leo Strauss i «Ponjatje politicheskogo».* — M.